

Life is a game — Вступительный текст к серии «Anconette del cuore»

Жизнь — игра, независимая от разума,
она пересекает физические пределы реальности, чтобы излиться в дух.
Жизнь — свободная игра, а искусство — игрушка,
которая оставляет роль фетиша,
чтобы вернуться к своей игровой и священной природе,
ибо только «серьёзная» игра (игра, в которую играют дети)
умеет поднять нас на те вершины красоты и святости,
что закрыты для разума.

Не надо принимать её слишком всерьёз, это всего лишь наша жизнь,
танец со множеством спотыканий,
ярость, полная ласк,
возвышенная игра, в которую нельзя проиграть.

Если всё наше общественное, культурное и художественное построение возникает
прежде всего как
игра, мы вправе вообразить, что играть и жить — одно и то же.

Жизнь — это игра в незнание:
откуда приходишь и куда идёшь;
игра с открытым миром и открытым исходом.

Играть должно быть первой заповедью; Италии следовало бы быть
республикой, основанной на мужестве играть в жизнь.

В «Истории игрушек 2» Вонючка Пит — кукла старого золотоискателя, которую
никогда не вынимали
из её оригинальной коробки, которая никогда не жила и видит в своей витрине в
токийском музее
единственную возможность искупления своего существования.

Если мы не сыграем свою жизнь,
никто не сможет ею насладиться,
даже потом,
даже если она сохранена в отличном состоянии,

ни разу не использована.

Игра и игрушка — метафора нашей власти над окружающим миром, память о том, что мы всеильны и что мы творцы ожидающего нас будущего.

Созданные мною маленькие алтари — ларцы нашей прошедшей игры, вечная память о том, что мы были детьми, о том, что мы создали самих себя вокруг того ребёнка, который и поныне живёт в нас.

Эти маленькие алтари — ларцы воспоминаний, пространственно-временные окна, способные остановить время в точное мгновение, в миг сокровенного созерцания и размышления.

Они могут вместить предметы владельца или иконы времени, которого больше нет; это коробки прошедшего времени, бессмертные иконы, обеты мирским божествам, флажки на линии времени, votivные приношения — с образами, музыкой, ароматами, словами, шёпотами; это внушения, вызывания прошедшего времени.

Их священность — в том, что они рождаются закрытыми, тайными, скрытыми от всех глаз, кроме наших. Их внутренность, золочёная и лакированная, изображает сердце, ребёнка внутри нас, музыку и звук того дуновения времени нашей жизни.

Маленькие алтари — сейфы сердечных воспоминаний.

Коробка, хранящая наше сердце, претерпела непогоды жизни, как романская церковь; в коробке, хранящей наше сердце, нет ничего красивого, она заржавела, и открыть её можно только правильным ключом.

Культ возник и вырос как священная игра, поэзия родилась в игре и продолжала жить в игровых формах, музыка и танец были чистой игрой, мудрость и знание являли себя в священных состязаниях, условности благородной жизни основывались на формах игры; культура в своих первоначальных фазах играется, культура развивается в игре и как игра.

Йохан Хёйзинга

После того как вы с любовью подержите своего ребёнка на руках, вы сможете смотреть вглубь.

Тхить Нят Хань

Представьте себя пятилетним ребёнком и пригласите этого ребёнка побыть с вами — того мальчика или девочку, что ещё живы в вас

Тхить Нят Хань

Вещь, в которой нет ни пользы, ни истины, ни ценности сравнения и которая не

обладает даже вредоносными способностями, лучше всего судить по грации, какая в ней есть, и по удовольствию, какое она даёт.

Такое удовольствие и есть игра.

Платон

В платоновском диалоге «Номои» («Законы») сказано: [...] человек [...] есть лишь игрушка, изготовленная богами, и в этом-то и состоит его лучшая часть. Вследствие такого понимания всякий мужчина и всякая женщина должны жить, играя в эту игру как можно лучше.

Платон

Везде, где работают и производят, мы не вместе с божествами и сами не божественны. Боги не производят и не работают.

Пён-Чхоль Хан

Посреди финансового кризиса в Греции случилось нечто похожее на знак из будущего. Дети нашли в разрушенном доме толстую пачку банкнот и употребили их совершенно по-новому: принялись с ними играть и рвать их.

Эти дети в некотором роде предвосхищают наше будущее: мир лежит в руинах. Среди этих руин мы играем — как те дети — банкнотами и рвём их. Те греческие дети профанируют деньги, капитал, нового идола, употребляя их совсем иначе, а именно играя с ними. Профанация внезапно превращает деньги, сегодня столь фетишизированные, в игрушку.

Пён-Чхоль Хан

Qui nolet fieri desidiosus, amet.

(Кто не хочет стать праздным, пусть любит.)

Luca Motolese · Torino 2018

motolese.com — Оригинал на итальянском